

ИЗВРАЩЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ: МАЙКЛ МАНН И ЕГО ТЕОРИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ЧИСТОК

В превращении злодеяний в предмет ученых штудий есть нечто сомнительное. Под исследовательской лупой кровавые зверства утрачивают свою inferнальную энергию, становясь всего лишь объектом в ряду прочих объектов анализа. Вдумаемся, что означало появление академической дисциплины под названием «исследования геноцида». Нечто запредельно иррациональное сделалось этапом развития научной рациональности.

Социолог, берущийся за изучение подобных «предметов», рискует попасть в моральную и эпистемологическую ловушку, описанную в свое время Зигмунтом Бауманом. Объясняя геноцид, социальные ученые невольно его стерилизуют, выхолащивают его беспокойное для нашей совести содержание. «Все это случилось “там” — в другое время и в другой стране. Чем больше “виноваты они”, тем в большей безопасности “мы” — остальные, тем меньше нам приходится защищать свою безопасность. Когда распределение вины приравнивается к выяснению причин, чистота и здравомыслие образа жизни, которым мы так гордимся, не вызывают никаких сомнений»¹.

Автор книги, русский перевод которой читатель держит в руках, знает о неудобствах, о которых предупреждал знаменитый социолог. Майкл Манн пускается в свое теоретическое предприятие, опираясь на колоссальный пласт научной литературы (отчасти способствующей «рационализации» иррационального). Но за его плечами не только тонны ученых сочинений. За его плечами новый печальный опыт массового уничтожения людьми друг друга, накопившийся за четверть века после публикации эпохального труда Баумана.

Нашу презентацию книги Майкла Манна мы построим следующим образом. После краткой справки об авторе мы поговорим об академическом контексте, в котором вышла его работа, затем перейдем к ее концептуальным особенностям и аналитическим достижениям

¹ *Бауман З.* Актуальность холокоста. М.: Европа; ИД КДУ, 2013. (Оригинал вышел в 1989 г.)

(и, возможно, упущениям), после чего затронем моральные и правовые аспекты поднятой им проблематики.

Контекст

На момент написания этой книги Майкл Манн — британский социолог, живущий в Америке, составил себе научную репутацию двумя томами фундаментального исследования об «Истоках социальной власти» и целым рядом публикаций, к которым его коллеги по академическому цеху продолжают обращаться на протяжении десятков лет¹.

Труд Манна в определенной степени продолжает традицию, заложенную так называемыми *genocide studies* (исследованиями геноцида) — междисциплинарным направлением, объединяющим усилия историков, социальных антропологов и этнографов, политологов, социальных психологов, юристов и социологов². Однако Манн не стал ограничивать свой предмет геноцидом. Возможно, потому, что он намерен исследовать этнически мотивированное насилие в самых

¹ С тех пор вышло два заключительных тома этого труда (русский перевод готовится к печати издательским домом «Дело» Российской академии народного хозяйства и государственной службы). Что касается других работ Манна, то, помимо широко известного исследования о фашистах (*Mann M. Fascists. Cambridge University Press, 2004*; русский перевод готовится к печати фондом «Историческая память»), это книга о капитализме и войне (*Mann M. States, War and Capitalism. Oxford: Blackwell, 1988*), а также ряд ярких статей, постоянно цитируемых специалистами из самых разных областей социально-гуманитарного знания. См., например: *Mann M. Ruling Class Strategies and Citizenship // Sociology, Vol. 21, No. 3. 1987*; *Mann M. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ. и нем. М.: Практис, 2002.*

² Это направление отпочковалось от «исследований холокоста» (*Holocaust studies*), возникших на рубеже 1970–1980-х гг. Пионерами здесь были Хелен Фейн (ее работу 1979 г. Манн неоднократно цитирует) и Лео Купер. См.: *Kuper L. Genocide: Its Political Use in the Twentieth Century. New Haven, CT: Yale University Press, 1981.* Отклик на работу Х. Фейн, кстати, не самый лестный, см. в процитированной выше книге З. Баумана, с. 19–20.

разных его формах (хотя очевидно, что предмет его интереса образуют именно «кровавые этнические чистки», то есть нечто очень близкое геноциду). Понятие «этническая чистка» не случайно отсутствует в юридическом языке. Оно не может быть сколько-нибудь строго определено. В его объем входят и насильственная ассимиляция, и принуждение к эмиграции, и «обмен населением» между странами (по образцу тех, что произошли между Грецией и Турцией по окончании Первой мировой войны). Такие процессы, как правило, либо не связаны с физическим насилием, либо связаны с ним в минимальной степени. Далее следуют депортации, которые опять-таки могут проходить и в относительно мягких формах, и осуществляться предельно жестоким образом — так, что высылка людей из мест их проживания ведет к их массовой гибели от голода, холода и болезней. И наконец, апогей этнических чисток, их, так сказать, высшая стадия — массовые кровопролития (от избирательных убийств с целью устрашения до организованного уничтожения целой этнической группы, включая детей и престарелых). Не используя слова «геноцид», Манн получает возможность обойти неизбежные трудности терминологического свойства. Коль скоро этот термин вошел в международное право, квалификация того или иного деяния как геноцида — процедура крайне ответственная и очень кропотливая (и, как мы знаем из работы международных трибуналов по военным преступлениям, не свободная от обвинений в политизации)¹.

Вместе с тем от внимания читателей не скроется то обстоятельство, что предмет аналитического интереса Манна выходит за пределы этнически мотивированного насилия. Его взор прикован к феномену куда более широкому. Это массовое насилие как таковое, будь то сталинский ГУЛАГ, геноцид, учиненный красными кхмерами в Камбодже, или многомиллионные жертвы в Китае эпохи правления Мао — отчасти напрямую связанные с уничтожением тех, кто считался классовым врагом, отчасти ставшие непреднамеренным следствием революционных экспериментов. (Главы, посвященные

¹ Исчерпывающий обзор дискуссий на эту тему дан в книге итальянского историка права Бартоломе Клаверо: *Clavero B. Genocide or Ethnocide: 1933–2007. How to Mark, Unmake and Remake Law with Words*. Milan: Giuffrè Editore, 2008.

большевизму, маоизму и режиму Пол Пота, явно выбиваются из канвы повествования, которое, как следует из названия, посвящено этническим чисткам. Но об этом ниже.)

При всей амбициозности и оригинальности исследовательской заявки Манна его книга вполне органично вписывается в контекст существующих разработок на таких полях, как уже упомянутые *genocide studies*, а также теория конфликта и социология насилия¹.

Как бы то ни было, гигантский объем проведенной Манном работы не может не впечатлять. Едва ли найдется профессиональный отклик на его книгу, в котором коллеги не отмечали бы почти невероятную эрудицию автора². По способности оперировать информацией, касающейся столь разных географических и исторических областей, Манн, пожалуй, не знает себе равных среди ныне здравствующих макросоциологов (здесь в пору вспомнить недавно ушедшего из жизни Чарльза Тилли).

Концепция

Когда-то Современность отождествляли с просвещением и прогрессом. После холокоста стало окончательно ясно, что это иллюзия. Современность несет с собой проявления бесчеловечности, которые в досовременных обществах были немислимы. На сегодня этот тезис не только беспспорен, но и тривиален³. Манн идет дальше, увязывая геноцид не просто с модерном, а с сопровождающей модерн формой политического устройства — демократией. Он утверждает, что кро-

¹ См.: Online Encyclopedia of Mass Violence. URL: <http://massviolence.org>.

² См.: Debate on Michal Mann's *The Dark Side of Democracy* // Nations and Nationalism. 2006. Vol. 12, No.3; Riley D. Democracy's Graveyards? // New Left Review 48, Nov.-Dec. 2007; Shaw, Martin. Sociology of Genocide // Handbook of Genocide Studies / ed. by D. Bloxham and A. D. Moses. Oxford, New York: Oxford University Press, 2010. P. 154; см. также рецензии в журналах World Politics, 2007, Vol. 59, Issue 3; Journal of Peace Research, 2006, Vol. 43, Issue 1.

³ Впервые выдвинутый Адорно и Хоркхаймером в «Диалектике просвещения» (1944), он был развит во множестве работ, самой яркой из которых стала упомянутая выше книга «Modernity and the Holocaust» Зигмунта Баумана (1989), в русском переводе — «Актуальность холокоста».

вавые этнические чистки, включая геноцид, имеют отношение к сути того, что называется демократией.

Рассмотрим, какие доводы он приводит в пользу этого утверждения.

Они носят преимущественно исторический характер (недаром наш автор позиционирует себя как исторический социолог). Что касается аргументов собственно теоретического свойства, то они подчинены историческому изложению, вплетены в его ткань так, чтобы читатель сам сделал нужные выводы. Манн редко заходит на территорию теоретической социологии, политической теории и политической философии, ограничиваясь общими отсылками к классикам — в частности, к знаменитому пассажиру из «Демократии в Америке» Алексиса де Токвиля о «тирании большинства». Из современных авторов Манн видит своего единомышленника в Андреасе Виммере, несколькими годами ранее выпустившем книгу «Националистическое исключение и этнический конфликт: тень современности»¹.

Теоретические аргументы Манна вряд ли можно счесть убедительными. Во-первых, они не всегда безукоризненны с чисто логической точки зрения. В самом деле, как следует понимать высказывание «феномен кровавых чисток современен — *потому, что* он представляет собой темную сторону демократии?»² Современность феномена этнических чисток, их принадлежность к модерну — более или менее очевидный факт³. Но где очевидность того, что этот факт вытекает

¹ См.: *Wimmer A. Nationalist Exclusion and Ethnic Conflict: Shadows of Modernity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. Заметим, что Виммер ведет речь о темной стороне модерна, а не демократии.

² Курсив мой; в оригинале курсивом выделено все предложение: «Murderous cleansing is modern, because it is dark side of democracy». В русском переводе это высказывание автора выглядит более сглаженным («Кровавые чистки есть феномен современный, представляющий собой темную сторону демократии»), поскольку употреблен причастный оборот.

³ Наш автор, кстати, достаточно осторожен в констатации этого факта. Он не утверждает, что в досовременных обществах ничего подобного этническим чисткам не случилось. Он лишь говорит, что они в этих обществах были редкостью. Аналогом данного явления в Средние века и в древности были религиозные чистки. Но они отличались от современных этнических чисток хотя бы возможностью конвертации в другую веру. Сменив веру, можно

из демократии? Если между демократией и этническими чистками существует связь, носит ли она *каузальный* характер? Во-вторых, бросается в глаза, что значение понятия «демократия» на страницах книги остается размытым. Автор — похоже, намеренно — не проводит различия между демократией как идеалом общественного устройства (идеалом равенства) и демократией как формой правления. Одно дело — горизонт общественных ожиданий, и совсем другое дело — институционализированное государственное устройство. Манипулирование этой многозначностью «демократии» и дает Манну возможность вбросить в академическое поле столь цепляющий внимание тезис.

Обратимся, однако, к историческим аргументам автора. Первые примеры этнических чисток дают поселенческие общества Северной Америки и Австралии. То, что сделали европейские переселенцы в XVII–XVIII столетиях с коренным населением этих территорий, было, по сути, геноцидом или действиями на грани геноцида. Между тем несомненно, что общества, осуществившие геноцид, были устроены демократически. Массовое этническое насилие в посткоммунистической Югославии развернулось тогда, когда у народов — прежде угнетенных авторитаризмом — появилось право голоса. За этническими чистками 1990-х стояли демократически избранные правительства республик, возникших на развалинах СФРЮ.

На этом, правда, историческая очевидность тезиса о связи этнических чисток с демократией едва ли не исчерпывается. Ведь большая часть этнических чисток — как анализируемых в книге Манна, так и упоминаемых им вскользь — проведена отнюдь не демократическими режимами. Ни Османская Турция, ни царская Россия (изгнание черкесов после Кавказской войны и еврейские погромы), ни кайзеровская Германия (геноцид народа гереро в Западной Африке), ни нацистский Третий рейх, ни его пособники в Восточной Европе, ни Руанда накануне 1994 г. демократиями не были.

Манну это, разумеется, известно. Отдает он отчет и в том, что коммунистические режимы в СССР, Китае и Камбодже также нельзя назвать демократиями. Тем не менее он считает нужным отметить,

было избежать смерти. Этническую принадлежность сменить нельзя — во всяком случае, ее нельзя сменить достаточно быстро, чтобы не стать жертвой геноцида.

что массовым уничтожениям во всех случаях предшествовало демократическое движение. Младотурки начинали с веры в возможность полиэтнической республики, основанной на принципах веротерпимости; большевики искренне считали, что власть, которую они захватили в 1917 г., есть выражение воли народа; китайские коммунисты в конце 1940-х и красные кхмеры в Камбодже в начале 1970-х опирались на революционный подъем масс, а значит — на демократическое движение. Последовавшие затем кампании массового террора были результатом краха революционных проектов, неудачей процесса демократизации. Отсюда и вытекает вывод Манна: «чистки» (впрочем, по классовому, а не по этническому признаку) в сталинской России, маоистском Китае и полпотовской Камбодже, равно как и геноцид армян в Турции 1915 г., связаны с демократией хотя бы потому, что представляли собой ее *извращение*.

Но здесь мы упираемся в принципиально важный пункт: *речь идет не о демократии, а о демократизации; не об имплицитном свойстве данной формы правления, а о провале усилий эту форму установить*.

За исключением случая с европейскими колонистами (или, скажем прямо, колонизаторами) в Северной Америке и Австралии, все рассматриваемые Манном истории — это истории о несостоявшемся демократическом государстве¹, о неудаче попыток установить политико-правовой порядок, основанный на принципе народного представительства и народного волеизъявления.

Поэтому эффектная сентенция Манна о том, что «демократия убила Югославию», не попадает в цель. Югославию убила не демократия, а нечто совсем иное. Ее убил хаос, воцарившийся в результате коллапса авторитарного режима. На развалинах федерации, созданной Тито и утратившей привлекательность для граждан в 1980-е, возникло несколько центров силы (подчеркнем, не только политической, но и военной), вступивших в борьбу за контроль над территорией.

¹ Что касается североамериканских и австралийских поселенцев, то речь здесь идет все же о маргинальных как в географическом, так и в политико-правовом смысле случаях. Перед нами не государственность, опирающаяся на устойчивые демократические институты, а становление таковой. Стало быть, здесь тоже необходимо уточняющее различие между демократией и демократизацией.

В условиях хаоса можно вести речь лишь о беспощадной борьбе за власть, об утрашении и циничных манипуляциях, но никак не о демократической власти. Короче говоря — об анархии и популизме, а не о демократии.

Теория и эмпирия

Источник этнически мотивированного насилия Манн усматривает в перетолковании «демоса» в «этнос». Если народ понимается не как гражданско-политическое сообщество, а как органическое целое, то отсюда необходимым образом вытекает подозрительное отношение к тем группам, которые этому органическому целому не принадлежат. Если наш народ — это своего рода коллективная личность, то соседний народ, с которым мы находимся в напряженных отношениях, — это другая коллективная личность, наделяемая самыми несимпатичными чертами.

Разумеется, идеи сами по себе недостаточны для того, чтобы случилось массовое насилие и тем более кровопролитие. Но идеи радикального этнонационализма служат приглашением к социальному исключению тех, кого считают этнически чуждыми, почвой, на которой произрастают семена отчуждения и ненависти. В ситуации же, если конфликт произошел и вступил в насильственную фазу, эти идеи становятся легитиматором любых злодеяний.

Итак, идеологическим условием этнических чисток является этнический национализм вообще и так называемый «органический национализм» в частности¹. Здесь, однако, возникает следующая трудность и концептуального, и аналитического свойства: а как быть с коммунистическими режимами, идеологией которых был интернационализм²? Это затруднение Манн пытается снять следующим образом. Он вводит расширенную интерпретацию органической общности. Это уже не этническая группа (то есть совокупность людей, объединенных общей историей и культурой), а класс. Народ выступает в результате не как «этнос», а как «пролетариат».

¹ Иногда Манн ведет также речь об «интегральном национализме».

² Исключение следует сделать для полпотовской Камбоджи, идеологией которой служил левый национализм.

Таким образом, извращение демократии может происходить двумя путями. Первый — через органический национализм (который подменяет демос этносом); второй — через подмену народа как демоса народом как братством трудящихся (из которого изначально исключены все «эксплуататорские классы»). В обоих случаях имеет место органицистская редукция содержания общности, именуемой «народом». Если народ — это не совокупность граждан, а сообщество происхождения, то все, кто по своему происхождению являются чужими, подлежат исключению. А отсюда совсем недалеко и до истребления. Применительно к первым десятилетиям советской власти это сначала «лишенцы» (люди, пораженные в правах на основании принадлежности к неправильному классу), затем «кулаки», затем «контрреволюционные элементы», судьбой которых был в лучшем случае срок в ГУЛАГе¹.

И все же добавление трех коммунистических режимов к исследованию «этнических чисток» не кажется обоснованным. Что ни говори, а сталинский, маоистский и полпотовский террор — это не этнические чистки. Это классовые чистки.

Читатель, дошедший до соответствующих глав книги Манна, вряд ли избавится от впечатления о размытости объекта исследования. Пожалуй, у автора был шанс добиться хотя бы относительной четкости аналитических рамок: обращаясь к истории большевистского, маоистского и полпотовского режимов, сфокусироваться на этнической составляющей творимых ими преступлений. Например, на депортациях этнических меньшинств в сталинском Советском Союзе, на жестоком, унесшем почти десятую часть населения, подавлении сопротивления тибетцев в маоистском Китае и т. д. Однако Манн не захотел ограничиться собственно «этническими чистками» — его взор прикован к советскому Большому террору и к китайским «большому скачку» и «культурной революции» как таковым. Короче говоря, Манн обращается к масштабным «классицидам» в контексте, предполагающем фокусировку на «этноциде».

¹ Солженицын в своем «Архипелаге» не раз предлагал прочитывать аббревиатуру ИТЛ (исправительно-трудовые лагеря) как «истребительно-трудовые лагеря».

Во-первых, эту историю Манн знает крайне поверхностно, что влечет за собой множество неточностей в ее изложении. Во-вторых, что гораздо более важно: в своем обращении с российским материалом Манн, к сожалению, следует клише, сложившимся в англосаксонской литературе со времен советологии. Эти клише провоцируют взгляд на современную Россию как на последнюю «мини-империю» и, соответственно, как на политическую аномалию. Нормой же, согласно данному подходу, является «национальное государство», либо моноэтническое, либо добившееся высокой степени этнической однородности за счет ассимиляции меньшинств. В такой оптике (а) любые полиэтничные государственные образования предстают как реликт, который рано или поздно отправится на свалку истории, и (б) любые социальные и/или политические напряжения и конфликты с этнической окраской кажутся проявлениями конфликта между «господствующим этносом» и этническими меньшинствами. Сепаратистские устремления со стороны элитных кругов внутри этих меньшинств выглядят в результате не иначе как естественное желание «угнетенных» покинуть «тюрьму народов». Манн не сумел или не захотел переосмыслить подобные стереотипы, что и повлекло за собой некоторую аберрацию его взгляда на чеченский вопрос.

Пожелать приятного чтения, учитывая непомерные эмоциональные издержки, которых требует усвоение этой книги, было бы ерничеством. Пожелаем читателю силы духа, оберегающей от циничного равнодушия, впасть в которое немудрено под грузом столь рутинно повторяющейся череды зверств. И еще раз выразим надежду на продуктивную общественную дискуссию.

*Владимир С. Малахов, профессор,
директор Центра теоретической
и прикладной политологии РАНХиГС*